

Яковлева Наталья. Он попрощался ненадолго...

Прежде всего хочу сказать, что я очень уважала и любила его. Мы со Станиславом очень давно знакомы: я думаю, что мы были первым прессцентром, куда он пришел на свою первую пресс-конференцию. Это было лет десять или более назад, потому что мы существуем 15 лет.

Я сейчас уже точно не помню, в какое здание он пришел, мы переезжаем часто. Он был еще совсем молодой, совсем «зеленый» и только начинал, по-моему, свою адвокатскую деятельность, и мы ему всегда предоставляли зал и возможность выступить и защищать своих клиентов, подзащитных. И он уже с самого начала, смолodu показал себя очень чистым человеком, справедливым и равнодушным. Поэтому он часто брал дела, которые не приносили ему никаких явных доходов, именно потому, что он хотел помочь тому или иному обычному человеку. Никогда не забуду, как он несколько раз возвращался в прессцентр с делом старушки из какой-то отдаленной деревни Нечерноземья, которую хотели судить за то, что она выращивала мак на своем участке, что говорит о глупости наших правоохранительных органов. Стаса был удивительно открыт к чужим бедам. Он и той старушке пытался помочь. Занимался ее делом очень много, ходил по судам, и в конце концов справедливость восторжествовала.

Ну, и потом он был бесстрашным человеком, он никогда не говорил, что «я чего-то боюсь». Станислав уже много лет занимался самыми опасными делами: делами в связи с войной в Чечне, с экстремистами (защищал людей, которые подверглись нападкам с их стороны). Он много раз ездил в Чечню, он дружил, я знаю, с Политковской, и она его очень уважала... Все это было достаточно опасно, но он никогда об этом не задумывался, о чем свидетельствует его последнее дело в связи с Будановым. Я не буду рассказывать о деле Буданова, потому что все его знают, но Стас был единственным или одним из немногих, кто выступил против его условно-досрочного освобождения и подвергся большим нападкам со стороны части прессы и националистов, которые начали ему, я думаю, угрожать.

Он никогда мне об этом не говорил, поэтому я не могу свидетельствовать, хотя многие его знакомые говорили, что он с ними делился, и что нападки такие были, и звонки были. И наверное, ему должно было бы быть страшно думать о том, что у него двое маленьких детей, жена неработающая. Но дело для него было самым главным в его жизни. И хотя вначале он выступал просто как адвокат, то потом на протяжении нескольких лет – а я, еще раз повторяю, знала его лет десять, а может быть и больше – мы его звали «правозащитником». Потому что он был именно активным правозащитником, который не останавливался ни перед чем, защищая людей, отстаивающих свои права.

Расскажу подробнее о последних встречах, этих последних двух прессконференциях с разницей в одну неделю. Одна была по поводу Буданова, еще до его освобождения. Она проходила 12 января 2009 года и называлась: «Решение суда о досрочном освобождении Буданова будет обжаловано». Народу было много, очень много. Народ интересовался, и вообще Стас всегда привлекал внимание прессы. Он был настроен как-то оптимистично, и после нее я его спросила: «А как вы считаете, это как-нибудь повлияет, то, что мы сегодня провели пресс-конференцию, выступили против этого?» Он говорит: «Конечно! А как же иначе? Они не имеют права его освободить без согласия людей, которых он, так сказать, обидел. Без согласия родителей Эльзы Кунгаевой они не имеют права его освободить, а родители находятся в Скандинавии, они мне звонили». В общем, не терял он связь с ними, они его уважали... Относились к нему с надеждой, и поэтому, когда это все случилось с Будановым, то они были категорически против досрочного освобождения. Они с ним (Станиславом) связались, и он говорил: «Родители – против, и его не освободят». Но прошло немного времени, и наши «прекрасные» власти, конечно, его освободили. Должна признаться, что я Стасу тогда позвонила сама и говорю: «Стас, ты говорил “не освободят, не освободят”, а видишь, как... Прекрасно освободили, и он на свободе». Он говорит: «Ой, как хорошо, что вы мне позвонили сами, я как раз тоже вам хотел звонить, потому что я хочу провести еще одну пресс-конференцию и выступить с протестом». И он действительно провел эту пресс-конференцию с протестом... 19 января. Она носила название: «Незаконный выход Буданова из колонии: игнорирование суда и прямая выгода боевиков. Что делать дальше?»»

Народу было гораздо меньше, наверное, человек 12, не больше. Не очень много народу было, потому что это был повтор практически того же самого, но с какими-то нюансами, в частности, что в Генеральную прокуратуру письмо послано с протестом и т.д. И вот же судьба: пресс-конференция почти закончилась, когда пришла эта девочка (Анастасия Бабурова). Он уже все сказал, и уже отвечал на вопросы. И она как раз входит. Она у нас бывала часто. Хотя она была всего-навсего студенткой, но я ее хорошо знала. Это, наверное, перст Божий – не знаю, как иначе сказать. Она пропустила все, что он говорил, по поводу чего была прессконференция. Насколько я знаю (и наш секретарь Нина Ильинична слышала), она к нему подошла и сказала: «Ну вот, я все пропустила, Вы идете к метро? Я пойду с Вами, расскажете мне обо всем». Потом мне сказали, что они были знакомы. Я, честно говоря, этого не знаю... Он ответил: «Конечно». И поэтому они вышли вдвоем отсюда...

Ну, и еще, что я могу рассказать о последней пресс-конференции, это действительно похоже на какое-то знамение. Стас был очень аккуратным человеком и всегда приходил вовремя, а на эту пресс-конференцию он опоздал, и опоздал так минут на десять, наверное, на пятнадцать. Я ему даже позвонила на мобильный телефон. Он говорит: «Ой, я иду-иду. Вы знаете, я что-то запутался в ваших переулках». Я ему: «Стас, ты идешь сюда не в первый раз». Он отвечает: «Я сегодня иду с другого конца, запутался в ваших переулках, не могу найти вас». Ну, я ему и рассказала, как нас найти. Он появился спустя минут пять. И наш секретарь запомнила, что, когда он вошел, то произнес: «Нина Ильинична, меня сегодня к вам ноги не несли». Я это сама не слышала, поскольку уже была в зале с корреспондентами.

Я могу только в превосходной степени говорить о Стасе, потому что он был очень открытый, честный человек. Он у меня до сих пор стоит перед глазами. Помню, когда кончилась пресс-

конференция и я уже ушла к себе, его окружила «пресса», задавали какие-то вопросы. Потом он зашел ко мне, стоял передо мной в длинном кожаном пальто, такой молодой, красивый. И говорил: «Наталья Александровна, я ненадолго с вами прощаюсь, я, наверное, на той неделе снова приду». И – ушел. Немного времени прошло, и моя коллега, прочитав новости в Интернете, говорит: «Вы подумайте, здесь сейчас кого-то убили, у метро «Кропоткинская». Я ответила: «Да Вы что? Господи, не дай Бог, Стас!» Сначала имени и подробностей не было. Но спустя час мы узнали, что этот «кто-то» – Стас Маркелов.

Версия #1

Зверобой создал 16 апреля 2025 02:52:11

Зверобой обновил 16 апреля 2025 02:53:38